

Уставшая и обнищавшая повседневность

Согласитесь – наш жизненный путь короток, как сияние светлячка в летнюю ночь. А счастьем этого столь краткого пути сопутствует хлеб насущный: угораздило родиться в бедной семье – будешь биться как рыба об лед, и ничего у тебя не выйдет; родился же в богатой – будешь учиться за границей, путешествовать по миру, все счета будут оплачены. Такова уж и наша Литва, и мы сами – в большей степени где-то посерединке. Чем больше семья, тем страшнее их нищета; чем дальше от крупного города, тем менее образованы люди. Чем дальше от столицы, тем сильнее ценностные устои, тем ревностнее люди хранят честь предков, тем они смелее и не желают подчиняться указаниям властей.

Когда говорят о том, чем мы живем, сегодня часто упоминается восстановление Независимости в 1990 г. и события 1991 г. Теперь в официальных речах зачастую это звучит так, будто до этих пор Литвы не существовало. А она существовала. Еще более смелая, чем при событиях 10 августа или в ночь на 11 августа 2021 г. Эта дата в будущем, возможно, будет упоминаться как «День Щитов и зари». Или что-то наподобие этого. Потому что в тот вечер на щитах не было двойных крестов, защищающих Литву и ее жителей. Люди, несшие щиты, были одеты в черное. А зарю мы встретили уже другими: размышляющими, что же на самом деле произошло - и почему. И кому это все выгодно. И что мы прозевали – не вчера, а за 30 последних лет, т.к. слово «независимость» уже не встает в это словосочетание.

События.

Более года продолжавшиеся ограничения передвижения, получения доходов и свободы слова в стране превратились в снежный ком. Давно уже свободного человека Литвы так не сковывали посредством политических решений, как теперь. Именно решений теперешнего Правительства, а не медиков, которые и должны говорить в настоящих условиях, в которых мы сейчас вынуждены проживать. Говорить громко. Рассказывать о суждениях и опыте медиков из других стран. Громко обсуждать. Действовать сообща с зарубежными медиками. И хотя, оглянувшись назад, уже в ближайшем будущем мы поймем, во власти каких психопатов и их решений мы находимся, выживать нам надо сегодня. Выживать надо, глядя на то, как вырубаются вековые леса, приватизируется государственное имущество, наносится вред литовскому языку, грубо и нагло нарушаются права на собственность и свободу выбора, естественный уклад семьи. Выживать нужно и с тем, с чем обещал бороться теперешний Сейм – с издевательствами, ярлыками, формируемым мнением. Если мыслишь не так, как большинство – будешь «недоумком», «ватником» и «антиваксером»: такие ярлыки навешивают ступающие по земле моих предков, пускающие мыльные пузыри и называющие себя журналистами колаборанты, работающие за зарплату в иностранных фирмах СМИ и формирующих общественное мнение.

День Щитов и Зари.

10 августа 2021 г. мне пришлось встать рано. Перед этим было несколько бессонных ночей. Сбор подписей и подготовка к референдуму – в то время это была возможность распространять информацию: для чего нужен этот референдум по поводу снижения планки для инициации референдума с 300.000 до 100.000 подписей, и как можно выразить ему свою поддержку. Все это отняло немало часов сна, т.к. неожиданно появилось сообщение о последней возможной петле Сейма и Правительства на шею носящих ярлыки, таких, как я. А вслед за ней появилось и следующее сообщение, что медлить нельзя – организуется митинг. И хотя патриотически настроенные силы сначала пытались заглушать каналы соц. сетей, ориентируя людей на необходимость митинга 10 августа – уже было очевидно, что температура накала людей – как в скороварке. Соберутся тысячи. Присутствие обязательно. Это – возможность собрать большое количество подписей. Поговорить со множеством людей. Встретиться с теми, кто не только может дать совет, но и принимает решения. Оказать помощь в том, что можешь и умеешь.

Утро, начиная с 7-и часов, я провела, регулируя движение машин и пешеходов, пока к переходу не прибыл наряд полиции. Поток людей возрастал. Тогда я ушла разрезать буклеты для референдума. На столиках для подписей разложила свои собственные авторучки с надписью «Nendré Černiauskienė». А потом то в одиночку, то вместе с одним или несколькими зеленоповязочниками кружила по улицам, пытаясь вычислить не особо мирно настроенных, останавливаясь поговорить с теми, кто задавал вопросы. Заговаривала с полицейскими: мне было интересно, каковы их настроения, что они думают о собравшихся, какова их повседневная служба. Было и несколько очень сложных консультаций по правовым вопросам. И хотя это отняло много времени, усталости не ощущалось. Высказываний на митинге я не слышала вообще. Слышались только отдельные предложения о том, что уже слушано-переслушано много раз. Как молитва. Как не услышанная молитва.

На нас были с вечера пошитые зеленые повязки с красной окантовкой, с красными столбами Гядиминаса. Вечером, во время последней видеотрансляции, которую проводили Антанас Кандротас и Вайдас Лекштутис, мы напомнили людям, что зеленоповязочники будут помогать полиции в работе с подозрительными личностями и в случае конфликтов и инцидентов. Однако нам никак не удавалось связаться с организаторами мероприятия и сообщить им о планируемой помощи. Но это не казалось столь уж важным, т.к. явствовало из ранее совместно организованных мероприятий. По умолчанию. Ты будешь там, где нужен, где можешь быть полезен. А кроме того, с буклетами о референдуме, с просьбой помочь 12 еврами. Таков закон. Больше – нельзя. Если не декларировал имущество.

Первая часть митинга около библиотеки им. М.Мажвидаса прошла гладко. Пока с трибуны не был произнесен текст, заставивший содрогнуться. И опять слова, сеющие рознь. Из уст людей, которым ты спешил на помощь: консультировал по правовым вопросам, по их приглашению участвовал в пикетах, по мере технических знаний и возможностей делился их информацией в соц. сетях. Хлынула лавина звонков. От тех, кто смотрел прямую видео трансляцию, от тех, кто

был около сцены, от тех, кто знал номер моего телефона. Что случилось – почему Вас и сторонников референдума называли провокаторами? «Спрашивайте у тех, кто это говорил» - таков был мой ответ всем спрашивавшим.

По окончании митинга кто-то позвал толпу идти по кругу. Мы же, сторонники референдума, прилегали на лужайке возле библиотеки. Все болело. Мы делились впечатлениями. А люди все подходили и спрашивали: кто и почему с трибуны так отрицательно отзывался о референдуме и обо мне. Несмотря на эти обстоятельства, настроение было хорошим. После чашки чая и с утра съеденного банана пришло время перекусить несколькими конфетами. Вслух мы подсчитывали, сколько приблизительно подписей нам удалось собрать. Фотографировались на память. Попрощались со спешившими по делам.

Вторая часть началась неожиданно. «Ты, наверное, забыла про пикет?» - кто-то напомнил мне. Я вышла в назначенное для пикета место. Коллеги-соратники подтвердили, что разрешение получено еще вечером. Согласовано до вечера, 22 час. Однако вид не очень обрадовал. Люди кучковались слишком близко к воротам во внутренний дворик Сейма. Однако они не выглядели угрожающе. Прорвавшись к другим зеленоповязочникам, начала знаками рук показывать, чтобы они отодвинулись. Полицейские только улыбались и подшучивали, что собравшиеся нас слушаться не собираются. Я подумала: «Это – бессмысленно», и отошла оглядеться вокруг. С выходящими из здания членами Сейма толпа заговаривала не особо вежливо и на поднятых тонах. Полиция наблюдала за ситуацией со стороны. Судя по действиям полиции и выражению спокойствия на их лицах, ситуация угрожающей не казалась. Я вмешалась в разговор и несколько успокоила разбушевавшуюся группу лиц, окруживших члена Сейма Антанаса Винкуса: с повышенного тона разговора, его удалось перевести на уровень более спокойного диалога. Вопросы о людей продолжали поступать, и я пошла дальше. Мне встретилась член Сейма Беата Петкевич, я попросила ее поспешить домой: напряжение усиливалось на глазах, и долее задерживаться возле Сейма - не целесообразно.

Часть третья. Послышались сообщения, что из Каунаса в помощь полиции подтягивается подкрепление. Возможно применение газов. Я подошла к группе, собравшейся у ворот Сейма и не желавшей оттуда отходить. Было очевидно, что уже присутствуют люди, которые не отступят, что бы ты им не говорил. Я подходила к парам и семьям с детьми, просила их удалиться на безопасное расстояние – как минимум, через дорогу. Так обязывает закон о собраниях. Люди прислушивались, отодвигались. Сама я отошла по крайней мере на 200 метров от ворот Сейма, через дорогу.

Прибыло полицейское подкрепление – одетые в черное, с амуницией, в шлемах и со щитами. Вместе с ними прибыл и бывший начальник Альгимантас Минкаускас. Мы с ним были давно знакомы, встречались, общались и в деловых, и в личных встречах, поэтому я пожала ему руку и коротко попросила: «Не принимай политических решений».

Вскоре произошло столкновение с четверкой лиц, похожих на журналистов – при них были видео камеры и профессиональные фотоаппараты. Журналистских удостоверений или же бейджиков, указывающих на то, что они – журналисты, у этой четверки не было. Эта четверка убежала от догоняющей их толпы, отдышалась и вскоре вновь начала наступать. Мы пытались их пристыдить, чтобы они отказались от своих намерений. Один из них толкнул меня плечом и подставил подножку. Падая, я схватилась за ремешок фотоаппарата мужчины, притворявшегося журналистом, и прокричала: «Провокация!». Люди, находившиеся возле и позади меня, также кричали: «Провокация!». Одета в белое, стоявшая рядом женщина и другие кричали: «Толкают женщину!» За под руку, на которой позже, также, как и на груди и спине остались глубокие следы синяков, меня поймал униформированный патруль. Отвели к начальнику: «Альгимантас, эта – задержана» - «Ведите в автомобиль к задержанным» - ответил ему А.Минкаускас. Не сопротивляюсь. Успеваю нажать кнопку прямой трансляции «загрузить» и бросаю телефон в руки прохожего. Решетка полицейского воронка закрывается. Потом закрываются и его двери. Душно. Кричу, что не хватает воздуха. Кто-то услышал. Слышу – зовут полицию. Включается вентилятор, который заглушает доносящиеся с улицы звуки. Долго стоим. Тогда начинаем трястись. От качки тошнит. Нечем дышать. Сажусь на пол, задираю ноги, пытаюсь дышать глубоко. Зажмуриваюсь. Машина останавливается. Дверь открывается. Воздуха становится больше.

Нагрянул 1949 г.: Нельзя Казнить Помиловать (где поставить запятую).

Забирают вещи, снимают отпечатки пальцев. Фотографируют. Заполняют документы. Зачитывают права. Досмотр. Матрац, подушка, одеяло, две простыни. Металлические двери и решетка. Помещение – 2 х 4 м. Две металлические кровати вдоль стен и у окна напротив. Два стола, две табуретки, два стола повыше. Все привинчено. Отгорожен угол раздвижной дверцей – объединенный блок: раковина – туалет. Две кнопки для пуска и спуска воды. Окно - 0,50 х 0,50 м. Я расстелила постель и упала. Я же ничего не сделала - утром отпустят. Ночное освещение.

Зажигается свет, открывается железная дверь. Называют фамилию, торопят вставать. Заставляю себя сделать утреннюю зарядку. Сидя. Я – после операции, у меня зашит живот. Разминаю верхнюю половину тела, ноги. Умываюсь под струйкой воды. Завтрак - через окошко в двери. Не ем. Спрашиваю, который час. Пытаюсь сориентироваться, сколько времени прошло с момента задержания. Жду. Медитирую. Дремлю. Обед. Не ем. Звоню в кнопку домофона. «Меня уже 15 часов не допрашивают». Дремлю сидя. А может, медитирую. «Меня уже 16 часов не допрашивают. Когда планируется допрос?» Делаю зарядку. Дремлю лежа. «Меня не допрашивают 17 часов. Я – после операции. Зарядка. «Меня уже 18 часов не допрашивают. Сегодня мне должны снимать швы. Если планируется держать меня дольше, прошу медицинского осмотра». Распахиваются железные двери, за ними – люди: одна - в белом халате, другая - в темном, с рукой, упертой в правый бок. Надеваю очки. Полицейский стоит за медсестрой. Рука на кобуре. Оба кричат на меня: «Таким, как Вы, медицинская помощь не положена! Не вижу причины Вам ее оказывать!» «Знаете, сколько полицейских пострадало по Вашей милости?!» - «Вы что-то путаете» - пытаюсь оправдаться. Дверь захлопывается.

Дверь опять отрывается. Меня ведут, не объясняя, куда. Маленькая комнатуха. Решеткой отгороженный угол со стулом. «Проходите туда» - говорит полицейский. Рядом втиснут стол с компьютером и стулом. Еще несколько стульев вдоль другой стены. Другая дверь. Система прохода по карточкам.

Заходит досудебный следователь. Возле стены сидит человек с раскрытым компьютером. Представляется государственным адвокатом. Следователь подает бумаги для ознакомления с обвинением. Читаю. Неожиданно. Сколько фамилий! Сколько эпизодов! Где же моя? Начинается допрос. Брови адвоката ползут вверх. Возвращаясь, кидаю взгляд на номер камеры. «23». «23 – мое счастливое число» - говорю сопровождающему меня полицейскому по пути назад. Ужин. Не ем. Гаснет свет. Темно, хоть глаз выколи. Жду ночного освещения. Пытаюсь сориентироваться в помещении, дохожу до домофона. Нажимаю, представляюсь. «У меня, может, и кошачьи глаза – но все-таки, включите ночное освещение» - прошу.

Утро. Зарядка сидя. Медитация. Завтрак. Обед. Брать отказываюсь – все равно не ем. Пью много воды. «Интересно: те, кто все это придумал – совершенные психопаты или только отчасти?» - «А исполнители кто: из страха или по личным причинам?» - «Если же за деньги – нищие или дураки?». Ужин. Съедаю йогурт.

Пройдет 36 часов с момента задержания, пока я встречусь с адвокатом. За той же решеткой в малюсенькой комнате для допросов. Гудит вентилятор. Постоянно. Громко. Уже иссякает фантазия воображать, что же это шумит: лес или море. Скоро начнется свист в ушах. Прошу бумагу. Составляю несколько жалоб. Опять куда-то ведут. В сопровождении сердитого полицейского экипажа направляемся на домашний обыск. Завязывается разговор. Я пытаюсь понять, что же они надеются найти.

Мои двери полицейские открывают сами изъятими у меня во время досмотра ключами. Нас встречает сын. Ребенок напуган. Пытаюсь кратко объяснить ему обстоятельства. Изъятие вещей. Описание нескольких изъятых вещей. Предметов, имеющих значение для следствия, не найдено. Возвращаемся в арестантскую. Долгая автомобильная пробка.

Виртуальное судебное заседание спустя ок. 42 часов с момента задержания. Судья требует пересадить меня на стул, не за решетку, т.к. в видео камеру не видно задержанную. Начинается судебное заседание. Судья интересуется моим образованием, сферой деятельности, доходами, социальными связями. «Магистр в области права, доктор социальных наук, разведена, мать двоих детей, один из них – несовершеннолетний, приблизительно 16 лет. Советник члена Сейма Вальдемараса Валькунаса. Координатор референдума. Одна из трех» - так повествую.

Прокурор зачитывает обвинение. «Практически, лучше уж в Сибирь» - такая проскальзывает мысль. «Нет, на костер!» - Думаю: «Реалити-шоу на ЛРТ продолжаются. Любопытно, каков же размер вознаграждения? – За процесс или же за голову?»

Начинаю рассказывать об обстоятельствах задержания. У находившегося рядом полицейского брови лезут на лоб. Адвокат поминутно докладывает - где была, что делала. Что телефон в руке – это не камень, который согласно обвинению, я бросала. Что сопротивления я не оказывала, хотя записано иначе. Что я не наносила телесных повреждений охранникам порядка, не портила полицейский автомобиль, не бросала взрывчатку, не ударяла полицейского твердым тупым предметом.

Прокурор продолжает и предлагает продлить задержание до 21-го января. Проскальзывает мысль: «Ого, до последнего дня референдума. Долговато». Судья переспрашивает. Прокурор поправляется – до сентября. Излагает аргументы: у меня нет социальных связей, обязательств, я могу скрываться, оказывать влияние на ход следствия, на других, могу убежать. Судья уточняет обстоятельства. «Наверное, тот факт, что у меня есть несовершеннолетний ребенок и банковский кредит, работа и общественная деятельность, не считается» - думаю и поясняю эти обстоятельства. Камера. Медитирую. Молюсь. «Если выпустят, еще есть у меня дела на этой земле» - думаю.

Через 47 часов меня выпускают с мерой пресечения до 11-го сентября – под подписку о невыезде из Литвы, без права участия в собраниях. Вечереет. Было бы неплохо что-нибудь перекусить. Своя постель – лучше всего.

Пересматриваю, что произошло в ту ночь «Щитов и зари». Соседи в группе Фейсбука поделились записью «Задержали дебильную соседку». И куча комментариев. С предложениями выбить мне окна. «Прекрасные соседи, - думаю. – Настоящая литовская цепеллиниада». Предлагаю им зайти, спросить, если их интересуют обстоятельства.

Почему мы боимся быть патриотами? Почему мы должны ими быть?

На удивление, 79-летняя мама и 95-летний отец на произошедшие со мной события реагируют спокойно. Возможно, потому что их поколение пережило несколько строев. И не один исторический поворот. Это поколение примирилось с потерями во время войн, и верившее в то, что делали во имя свободы и где находились в 1990 г. Они оба награждены медалями защитников 13-го января. Отец Людас Рагалявичюс – медик, доцент медицинских наук, пульмонолог, многолетний преподаватель ВПУ. Мама Гражина Кливечкайте – дочь без вести пропавшего литовского офицера Йонаса Кливечки, бывшая учительница математики, 25 лет прожившая в экономической эмиграции, только что вернувшаяся в Литву. Если они, мои предки, пережили исторические перемены, не поддались колаборантам и оккупантам – почему я должна вести себя иначе? Мне важна наша земля, наш язык. И мне не все равно, что переживают мои соратники. Безразлично, привитые они или нет: это – такой же выбор, как спать в ботинках или без. Как кому удобнее. Потому что спящие в ботинках так же важны для государства, как и спящие без ботинок. Именно это хотелось бы услышать от властей. Так же важны. Не второсортны.

Да, я – патриотка. По крови и с молоком матери. И этим горжусь. Ибо здесь – земля моих предков. Потому что только благодаря их борьбе я родилась, живу и существую. И могу быть Свободным Человеком!

А Вы?

17 VIII 2021 г.: Самая темная ночь перед Рассветом, сынок, с 16-летием!

<https://www.youtube.com/watch?v=Yb3JTt1hcUQ>

<https://www.youtube.com/watch?v=7y0Hj0i4Ztk>

<https://www.youtube.com/watch?v=eMcKG7pCxGw&t=27s>

More information Sinatory

Zigmas Vaisvila e-mail - zigmas.vaisvila@lrs.lt